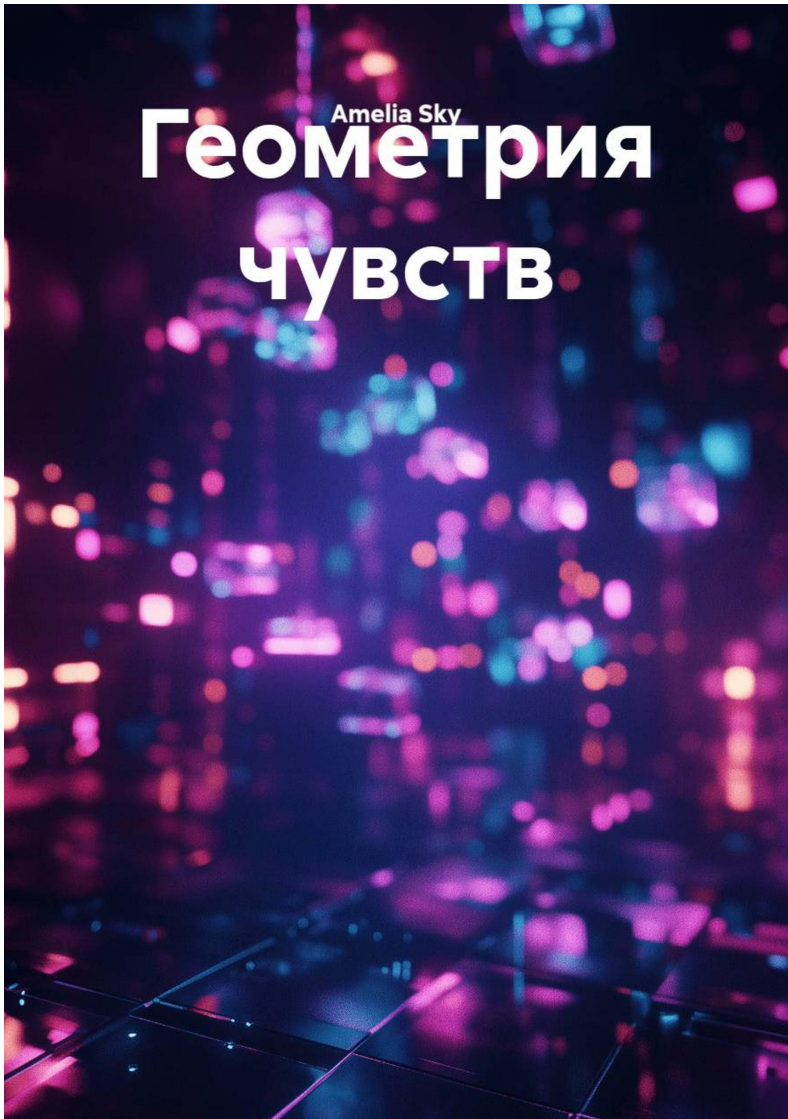

Amelia Sky

Геометрия

ЧУВСТВ

Amelia Sky

Геометрия чувств

<https://litres.ru/74069363>

SelfPub; 2026

Аннотация

В главных ролях Мария Власова , Вероника и Аня (подруги Маши), Артём, Илья

Присутствует детективный сюжет.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Amelia Sky

Геометрия чувств

Глава

Глава 1. Код города

Говорят, у каждого города есть свой код. У Москвы он состоит из гула метро, запаха мокрого асфальта вперемешку с выхлопными газами и бесконечного потока людей, которые никогда не смотрят друг другу в глаза. Три месяца назад я бы этого даже не заметила. Сейчас же каждый звук бьёт по натянутым нервам.— Маш, ты чего застыла? Такси ждёт! Аня нетерпеливо дёргает меня за рукав, вырывая из оцепенения. Её голос звучит слишком громко для этой утренней тишины во дворе съёмной квартиры. Вероника уже закидывает наши чемоданы в багажник жёлтого «Соляриса», деловито командуя водителю. Мы стоим на пороге нашей новой жизни. Точнее, они стоят. А я просто физически сюда переместилась, оставив большую часть себя в другом городе, рядом с гранитным памятником.— Я думала, будет сложнее, — говорит Вероника, когда мы наконец трогаемся. Она смотрит в окно на проносящиеся мимо панельные дома с такой жадностью, будто пытается запомнить каждую трещинку на фасаде. — Ну, знаешь, поступление, конкурс... А тут столько лю-

дей! Значит, и шансы есть. Я киваю, глядя на своё отражение в стекле. Оно дрожит вместе с движением машины. В этом отражении нет той девочки, которая год назад штудировала кодексы, мечтая стать юристом. Та девочка умерла вместе с папой. А эта, нынешняя, просто выполняет программу. Доехать. Сдать документы. Найти общежитие. Выжить.— Ты слышала, что на юрфаке МГУ в этом году недобор парней? — не унимается Аня, поворачиваясь ко мне с переднего сиденья. — Говорят, там теперь одни девчонки. Наш шанс! Она пытается шутить, пытается вернуть ту лёгкость, которая была между нами до всего случившегося. Но её слова отскакивают от невидимой стены, которой я себя окружила. Я не могу разделить её энтузиазм. Для них это начало пути. Для меня — попытка сбежать от конца другого. Такси останавливается у главного здания университета. Величественное, старое, оно нависает над площадью, подавляя своим масштабом. Студенты с папками и рюкзаками снуют туда-сюда, создавая муравейник из амбиций и надежд. Вероника хватается нас под руки.— Девчонки, ну всё. Мы сделали это. Мы в Москве. Давайте хотя бы сегодня не будем унывать? Я делаю глубокий вдох. Воздух здесь тяжёлый, пахнет большой историей и чужими мечтами. И где-то в этом шуме, среди сотен незнакомых лиц, начинается моя новая глава. Которую я совсем не знаю, как писать. Отличное начало. Атмосфера передана очень точно: контраст между суетой большого города и внутренней пустотой героини создаёт сильный эмоцио-

нальный фон. Фраза *«та девочка умерла вместе с папой»* — это мощный якорь, который сразу объясняет мотивацию Маши. Вероника права. Я должна хотя бы попытаться. Ради них. Ради папы, который всегда говорил, что я справлюсь с чем угодно. Я разжимаю пальцы, стискивающие ремешок сумки, и заставляю себя сделать шаг вперёд. Под подошвой кроссовка хрустит мелкий гравий. Этот звук возвращает меня в реальность резче любого окрика. — Так, девочки, план такой, — голос Вероники становится деловым, она достаёт из кармана мятый листок с распечатанной картой. — Нам нужен приёмный покой на первом этаже. Очередь там уже наверняка... Ого! Она осекается. Мы выходим на открытое пространство перед зданием, и нас накрывает волной шума. Это не просто гул метро, к которому я привыкла за эти три месяца. Это гудение сотен голосов, сливающихся в единый монотонный рокот. Здесь говорят обо всём: о проходных баллах, о том, кто куда поступил, о новых айфонах и о том, где найти дешёвую столовую. Воздух вибрирует от этого звука. А потом я вижу очередь. Она змеится от тяжёлых дубовых дверей, огибает фонтан и теряется где-то за углом. В ней стоят такие же потерянные первокурсники, сжимая в руках папки с документами. Кто-то смеётся, кто-то говорит по телефону, но большинство смотрят прямо перед собой тем же стеклянным взглядом, что и я. — Ну ничего себе, — тихо произносит Аня, её энтузиазм немного угасает при виде этой живой баррикады. — И как мы туда проберёмся? В

этот момент сбоку раздаётся громкий, уверенный бас:— Эй! Вы на юрфак? За мной будете!К нам разворачивается высокий парень с взъерошенными волосами и широкой улыбкой. Он стоит чуть в стороне от основной толпы, прислонившись к колонне, и держит в руке стаканчик кофе.— Там часа на два, не меньше. А я знаю короткий путь. Через боковой вход для аспирантов. Мой брат тут учился, поделился лайфхаком.Он подмигивает мне, и я инстинктивно делаю шаг назад, прижимаясь к холодной стене здания. Его дружелюбие кажется неуместным и даже опасным. Я не готова к новым знакомствам. Не хочу никаких «лайфхаков». Я хочу просто выполнить программу.Но Вероника уже хватает его за локоть.— Правда? Серьёзно? Ты наш спаситель!Парень легко отстраняется и делает приглашающий жест рукой.— Пойдёмте. Только давайте быстрее, пока охранник на перекур не ушёл.Он уверенно направляется вдоль стены к неприметной двери. Вероника хватается Аню, та — меня. Меня тащат вперёд, прочь от безопасной очереди, в какой-то сомнительный обходной манёвр. Я упираюсь ногами, но сил сопротивляться нет.— Я не пойду, — мой голос звучит глухо, он тонет в общем шуме.Все трое останавливаются и оборачиваются. Парень удивлённо приподнимает бровь. Вероника смотрит с жалостью. Аня — с непониманием.— Почему? — спрашивает парень.Я смотрю ему прямо в глаза. На долю секунды мне хочется сказать правду. Сказать, что я не могу нарушать правила, даже такие мелкие. Что любая неизвестность пугает

меня до дрожи. Но вместо этого я пожимаю плечами.— Просто не хочу. Буду стоять в очереди.И, вырвав руку из хватки Ани, я разворачиваюсь и иду обратно к хвосту людской змеи. Я встаю за девушкой в ярко-жёлтом платье и достаю из сумки свой паспорт. Я больше не часть их компании. Я снова сама по себе. И впервые за утро это ощущение приносит странное, холодное спокойствие. По крайней мере, здесь всё честно. Есть правило, и есть очередь. Всё понятно. Никаких сюрпризов.Очередь двигалась рывками. То замирала на полчаса, то вдруг дёргалась вперёд сразу на пять человек из-за того, что кто-то внутри здания выходил покурить или просто терял документы в недрах своей сумки.Я стояла, прислонившись плечом к нагретому солнцем граниту колонны, и смотрела не на людей перед собой, а на свои кроссовки. Белая ткань уже покрылась серой пылью Москвы. Папа всегда говорил, что нужно следить за внешним видом — встречают по одежке. Я подумала, что ему бы это не понравилось. Но его здесь нет, чтобы сделать замечание, а мне было всё равно.— Девушка, вы крайняя? — голос раздался совсем близко, над самым ухом.Я подняла голову. Рядом стоял тот самый парень с кофе. Он больше не улыбался. Внимательно посмотрел на меня, потом перевёл взгляд на хвост очереди, который теперь начинался от моих ног.— Да, — коротко ответила я и снова опустила глаза.Он хмыкнул, но спорить не стал. Просто встал рядом, соблюдая социальную дистанцию. От него пахло хорошим парфюмом и чем-то ещё, цитрусо-

вым, как от чистящего средства. Запах был слишком резким, химическим. Я незаметно задержала дыхание. Мы молчали минут десять. Парень допил свой кофе, смял стаканчик и ловко закинул его в урну у фонтана, хотя до неё было метров пять.— Ты ведь Маша, да? — спросил он, не глядя на меня. Его внимание было приковано к двери, которая только что выпустила шумную компанию ребят. Я вздрогнула. Имя прозвучало как чужое, произнесённое незнакомцем. Никто из новых знакомых не называл меня так фамильярно.— Мы знакомы? Он наконец повернулся ко мне. У него были очень светлые, почти прозрачные глаза, которые казались особенно яркими на загорелом лице.— Нет. Но я слышал. Твоя подруга Аня... она громкая. Вы поступили на бюджет, верно? Поздравляю. В его голосе не было ни насмешки, ни зависти. Только сухой факт. Это почему-то разозлило.— Спасибо, — сухо бросила я. — А ты, значит, поступил по благу? С чёрного хода для аспирантов? Парень усмехнулся уголком рта. Эта полуулыбка совершенно преобразила его лицо, сделав похожим на шкодливого мальчишку.— Можно сказать и так. Мой отец преподаёт здесь международное право. Быть сыном профессора иногда полезно. Хотя, признаюсь, стоять со всеми было бы веселее. Он кивнул на очередь. Люди действительно выглядели живее: познакомились, смеялись, делились зарядками от телефонов.— Веселее? — переспросила я, чувствуя, как внутри поднимается глухая волна протеста.— Для тебя это веселье? Новая игрушка? «Поступил по бла-

ту» — это же отличный челлендж! Мой голос предательски дрогнул на последнем слове. Я сама удивилась этой вспышке ярости. Она была направлена не на него, а на весь этот мир, который продолжал жить, крутиться, поступать в университеты и радоваться жизни, пока мой собственный мир рухнул и превратился в пыль. Парень перестал улыбаться. Он внимательно всмотрелся в моё лицо, словно пытаясь прочитать диагноз. — Эй, — тихо сказал он. — Я не хотел задеть. Я понимаю. — Ничего ты не понимаешь! — выпалила я, отступая на шаг назад. Очередь двинулась, но я этого даже не заметила. — Не подходи ко мне. И не говори со мной. Развернувшись, я быстрым шагом пошла прочь от входа, мимо фонтана, туда, где заканчивалась площадь и начиналась тень деревьев. Мне нужен был воздух. Много воздуха. Я слышала, как позади скрипнула дверь — наверное, он всё-таки решил воспользоваться своим «лайфхаком». Хорошо. Пусть идёт. Так будет правильно. Я села на скамейку под старой липой, достала телефон и открыла галерею. На экране была последняя фотография: мы с папой на даче, прошлым летом. Он смеётся, щурясь от солнца, а я обнимаю его за шею. Фотография была немного смазанной, сделанной на бегу. Идеальный кадр. Живой. Сзади послышались шаги. Я не стала оборачиваться. Шаги замерли. — Вот, возьми, — голос парня звучал уже без тени иронии. Совсем серьёзно. На скамейку рядом со мной лёг белый бумажный стаканчик. Кофе. Я продолжала смотреть на фотографию папы. — Я не буду извиняться

за то, кто я есть, — продолжил он. — Но я умею отличать злость от дурного характера. Ты злишься. И это нормально. Здесь все через это проходят. Просто у всех разные причины. Я медленно закрыла галерею и посмотрела на стаканчик. Затем перевела взгляд на него. Он стоял спиной к свету, поэтому лица было не разглядеть, только силуэт.— Как тебя зовут? — спросила я, помолчав.— Илья, — ответил он после секундной паузы. — Фамилия Волков.— Код города, — прошептала я себе под нос, но он услышал.— Что?— Неважно. Это папа так говорил. Про Москву. Илья ничего не ответил. Он просто сел на другой конец скамейки, давая мне пространство, и уставился на суету у главного входа. Мы сидели так несколько минут в тишине, разделённые невидимой чертой, но почему-то эта близость странным образом успокаивала. Очередь продолжала двигаться. Жизнь продолжалась. И впервые за три месяца мысль о том, что мне тоже придётся в ней участвовать, перестала вызывать панику. Два часа пролетели в странном, звенящем оцепенении. Илья ушёл почти сразу после того, как я взяла кофе — просто кивнул и растворился в толпе так же внезапно, как появился. Я допивала свой латте, сидя на скамейке, наблюдая за бесконечным конвейером абитуриентов. Когда подошла моя очередь, ноги казались ватными. Внутри здания было прохладно, пахло старым паркетом и пылью. Процедура подачи документов оказалась механической: отдать папку, расписаться, получить расписку, ответить на пару формальных вопро-

сов. Никакого сочувствия во взгляде сотрудницы деканата, только усталость от тысяч таких же потерянных лиц. Я вышла обратно на площадь, щурясь от яркого солнца. Девчонки ждали меня там же, где я их оставила. Вероника сидела прямо на бордюре фонтана, вытянув уставшие ноги, а Аня нервно ходила из стороны в сторону, то и дело поглядывая на часы. — Машка! — крикнула она первой, заметив меня. В её голосе смешались облегчение и упрёк. — Ну наконец-то! Мы думали, ты там навечно застряла! Вероника лишь устало улыбнулась и поднялась, разминая затекшую спину. — Всё? Сдала? — спросила она. Я молча протянула им тонкую бумажную полоску с печатью. Это был не билет в новую жизнь, а лишь квитанция. Но для нас сейчас это значило всё. Документальное подтверждение того, что мы официально стали частью этого муравейника. Аня выхватила бумагу, пробежала по ней глазами и вдруг крепко обняла меня, чуть не сбив с ног. — Ура! Поздравляю! Мы сделали это! Теперь мы студентки юрфака МГУ! Её радость была такой чистой и громкой, что несколько прохожих обернулись. Я стояла, позволяя ей сжимать меня в объятиях, но внутри была пустота. Для них это был триумф. Финишная прямая долгого марафона. Для меня — лишь старт другого, гораздо более сложного пути. Путь, который я начинала не ради мечты, а потому что больше идти было некуда. — Так, девочки, — Вероника прервала наши объятия, возвращая всех к реальности. Она выглядела собранной, хотя под глазами залегли тени. — Доку-

менты сдали. Что дальше по плану?— Общежитие! — тут же отозвалась Аня. — Нам нужно заселиться до вечера, пока комендант добрый! Она достала телефон, открыла карту и начала прокладывать маршрут.— Так... Это недалеко отсюда. Метро «Университет», потом пешком минут пятнадцать. Если поторопимся, успеем занять койку у окна. Мы двинулись сквозь поток людей. Москва снова сомкнулась вокруг нас своим гулом и запахом бензина. Я шла позади подруг, слушая их болтовню про вещи, которые нужно купить, и про то, кто будет жить на соседней кровати. Их голоса сливались с общим шумом города, становясь его частью. Я сунула руку в карман джинсов и нащупала там что-то твёрдое. Вытащив предмет, я удивлённо посмотрела на него. Это был мятый фантик от конфеты. Или нет... На ладони лежал маленький картонный прямоугольник. Визитка.*«Илья Волков»*, — гласила строгая типографская надпись. Ниже был номер телефона. Он оставил её мне, когда уходил. Зачем? Чтобы извиниться? Предложить помощь? Или просто потому, что в этом городе одиночество — слишком тяжёлая ноша, чтобы нести её одному? Я сжала картон в кулаке так сильно, что края впились в ладонь. Код города продолжал звучать в моей голове, но теперь к гулу метро и запаху асфальта добавилась ещё одна нота — терпкий, цитрусовый аромат чужого парфюма. И этот новый звук почему-то не вызывал желания закрыть уши. Комната, которую мы заняли, оказалась не просто частью коридора, а одним большим блоком. Это бы-

ла просторная «распашонка», где из центральной части — кухни-столовой — вели двери в две изолированные спальни: нашу и мужскую. Наше женское царство быстро приобрело обжитой вид. Аня развесила над своей кроватью гирлянду с фонариками, Вероника застелила постель пушистым пледом, который привезла из дома. Я же просто поставила на тумбочку фотографию папы в рамке и положила рядом его старую ручку-роллер. Эта вещь казалась мне якорем, связывающим меня с реальностью. Вечером, когда за окном зажглись огни проспекта Вернадского, кухня стала центром нашей маленькой вселенной. Мы пили чай из разномастных кружек (свои мы привезли с собой) и строили планы на завтрашний день — поход в деканат для уточнения расписания и марш-бросок по магазинам за канцтоварами. Внезапно дверь мужской комнаты распахнулась, выпуская наружу густой запах мужского парфюма и громкую музыку. Первым вышел Илья. Он был одет в простую чёрную футболку, которая плотно облегла фигуру. В руках он держал сковороду. — Добрый вечер, соседки! — бодро крикнул он через всю кухню. — Кто-нибудь умеет готовить яичницу так, чтобы она не прилипла намертво? У нас тут кулинарный кризис. Из-за его спины показался второй парень — худой, высокий брюнет в очках. Он выглядел полной противоположностью Илье: спокойный, немного сонный, он поправил съехавшие очки и тихо сказал: — Привет. Я Артём. Это наш генеральный бытовой беспомощности решил пожарить яйца. Третий

парень остался в комнате, но его силуэт был виден в дверном проёме. Он сидел на кровати, уткнувшись в ноутбук, и даже не повернул головы в нашу сторону. Аня тут же оживилась. Она подскочила к плите, оттеснив Илью бедром.— Отойди, горе-повар. Сейчас всё будет. Где яйца? Илья широко улыбнулся, явно довольный произведённым эффектом, и открыл холодильник.— Ого, у вас есть молоко? Вы идеальные соседки! Пока Аня колдовала у плиты, а Вероника доставала из шкафчика тарелки, Илья облокотился о столешницу прямо напротив меня. Кухня вдруг показалась ужасно тесной.— Ну что, Маша, — негромко произнёс он, убедившись, что остальные заняты делом. — Как тебе код города теперь? Не такой уж он и страшный, правда? Я подняла на него взгляд. Его лицо было расслабленным, но глаза внимательно изучали мою реакцию.— Код как код, — сухо ответила я. — Шумный. Он хмыкнул, принимая мой ответ.— Ты всегда такая колючая или это только мне повезло?— Только тебе. К счастью, в этот момент яичница была готова, и разговор прервался. Парни притащили свой стол к нашему, и вскоре мы все сидели одной большой компанией. Спящий парень наконец оторвался от ноутбука, представился Кириллом и молча принялся за еду. Атмосфера была странной: неловкость от первого знакомства смешивалась с облегчением от того, что соседи попались адекватные. Когда посуда была вымыта, Илья вызвался проводить нас до женского туалета в конце коридора («Чтоб никто не пристал»).— Традиция гостепри-

имства, — пояснил он с серьёзным видом. Мы дошли до поворота, и он остановился. — Слушай, — начал он уже без тени шутовства. — Я понимаю, что влез не вовремя. Но... если тебе понадобится сбежать отсюда хотя бы на час, просто чтобы не сидеть в четырёх стенах... позвони мне. Визитка ещё цела? Я машинально коснулась кармана джинсов, где лежал картонный прямоугольник. — Цела, — зачем-то призналась я. — Вот и отлично. Номер знаешь. Он развернулся и пошёл обратно, оставив меня одну в тускло освещённом коридоре общежития. За спиной слышался смех девчонок, обсуждавших парней. Впереди была длинная ночь в новой постели. И впервые за долгое время мысль о том, что кто-то здесь знает моё имя, не вызвала желания спрятаться. Коридор общежития в этот поздний час жил своей, особой жизнью. Из некоторых дверей доносился приглушённый смех и гитарные аккорды, где-то гремела музыка, а из кухни тянуло запахом пригоревшей еды — кто-то явно не справился с кулинарией так же изящно, как Аня. Мы шли гуськом, кутаясь в полотенца и прижимая к груди тюбики с шампунем. Вероника ворчала на тему «почему душевая работает только до одиннадцати», а Аня мечтательно вздыхала о том, какие у Ильи красивые плечи. — Нет, ну ты видела? — толкнула она меня локтем в бок. — Такой экземпляр пропадает! И ведь явно не глупый. Сын профессора всё-таки. — Он просто сосед, Ань, — устало ответила я, отпирая дверь нашего блока магнитным ключом. Щёлкнул замок, и мы вошли в полутёмную

комнату. Горел лишь ночник над кроватью Вероники. Наша спальня казалась островком тишины и безопасности после шумного коридора. Я прошла к своей кровати и рухнула на неё лицом вниз. Матрас мягко спружинил. Вдруг со стороны мужской комнаты раздался громкий, раскатистый хохот, который тут же оборвался звуком падения чего-то тяжёлого на пол. Мы замерли. — Эй, народ, вы там живы? — крикнула Вероника, подойдя к общей двери между комнатами. Дверь распахнулась почти мгновенно. На пороге стоял Илья. Волосы у него были всклокочены ещё больше обычного, а глаза блестели озорным огнём. За его спиной маячил Артём, пытаюсь удержать равновесие. — Прошу прощения за беспокойство, дамы, — картинно поклонился Илья. — У нас тут... научный диспут перешёл в активную фазу. Он сделал шаг назад и указал куда-то внутрь их комнаты. Там, посреди хаоса из разбросанных вещей и учебников, Кирилл пытался поднять с пола упавший стул, но делал это с такой преувеличенной серьёзностью, что выглядело это невероятно комично. — Кирюха доказывал теорему о точке опоры, — пояснил Илья, давась от смеха. — Но, кажется, неверно рассчитал вектор силы тяжести. Артём фыркнул, не выдержав, и закрыл лицо рукой. — Простите, девчонки. Мы сейчас уберём. Илья перевёл взгляд на меня. В полумраке его улыбка была едва заметна, но я чувствовала её. — Маш, хочешь посмеяться? Это было эпично. Ты бы видела траекторию полёта этого стула... Я молчала, глядя на эту троицу. Они вели себя как дети, кото-

рые наконец вырвались из-под родительского контроля. Их комната была пропитана этой мальчишеской, немного безбашенной энергией. Для них переезд в Москву был приключением. Вызовом, который они с удовольствием принимали. — Уже поздно, — сухо сказала я, плотнее заворачиваясь в халат. — Нам завтра рано вставать. Улыбка медленно сползла с лица Ильи. Он кивнул, принимая мою холодность. — Да, конечно. Спокойной ночи. Он тихо прикрыл дверь, отрезая нас от их веселья. Тишина нашей комнаты показалась мне оглушительной. Я слышала, как Вероника шепчет Ане: *«Ну и бука»*, но мне было всё равно. Я закрыла глаза, слушая, как за тонкой перегородкой парни снова начинают тихо переговариваться. Жизнь продолжалась. Кто-то смеялся, кто-то учился, кто-то строил планы. А моя программа на завтра была проста: доехать, найти аудиторию, выжить. И визитка в кармане халата жгла кожу напоминанием о предложении, которое я пока не готова была принять.

Глава 2. Первая пара и теорема о точке опоры

Утро в общежитии — это не пение птиц и аромат кофе. Это механический лязг дверей, шарканье десятков ног по линолеуму и монотонный гул голосов, сливающийся с шумом воды из общего душа. Я проснулась от того, что Аня уронила на пол свой тюбик зубной пасты. Город за окном ещё только просыпался, а коридор блока уже жил своей суетливой жизнью. Илья и его компания, судя по звуку, тоже были на ногах: из их комнаты доносился бодрый рэп и звон ложек

о стенки кружек. — Девчонки, подъём! — Вероника уже стояла посреди комнаты, полностью одетая и собранная, словно командир перед боем. — Если мы опоздаем на первую пару к профессору Волкову, нас отчислят раньше, чем мы успеем моргнуть. Я поморщилась. Фамилия Ильи прозвучала как приговор. Идти на лекцию к его отцу, зная, что сам «наследный принц» юрфака будет сидеть где-то рядом, совершенно не хотелось. Но выбора не было. К зданию факультета мы подошли, когда поток студентов превратился в настоящую реку. Мы влились в неё и понеслись по мраморным лестницам вверх, следуя указателям. Лекционная аудитория 305 оказалась огромной, амфитеатром уходящей под потолок. Мы заняли места примерно посередине, пытаюсь отдышаться. Аудитория гудела. Кто-то обсуждал вчерашний сериал, кто-то делился конспектами. Воздух пах мелом, старой бумагой и духами. Я достала новенький ежедневник и ручку, положив их перед собой. Просто ритуал. Нужно делать вид, что ты студент. Внизу открылась дверь, и в аудиторию вошёл он. Не Илья. Мужчина постарше, лет пятидесяти пяти, с идеально уложенными седыми волосами и таким же пронзительным, прозрачным взглядом, как у сына. На нём был безупречный тёмно-серый костюм. Профессор Андрей Николаевич Волков. Он поднялся на кафедру, положил папку с документами и обвел зал тяжёлым, сканирующим взглядом. Шум начал стихать. — Доброе утро, первокурсники, — его голос был низким и властным, он запол-

нял всё пространство без всякого микрофона. — Меня зовут Андрей Николаевич Волков. Для вас — профессор Волков. И я буду читать вам курс гражданского права. Записывать мою фамилию советую каллиграфическим почерком. В конце семестра мне предстоит оценить ваши знания, чтобы решить, достойны ли вы носить звание студента МГУ или вам стоит вернуться туда, откуда вы пришли. По рядам пробежал шепоток страха. Вероника побледнела. Аня нервно хихикнула, но тут же замолчала под строгим взглядом профессора. Он открыл журнал посещаемости. — Итак... Давайте начнём с переклички. Абрамова! — Здесь! — Белова!... — Волков! Мой взгляд метнулся к верхним рядам, куда я старалась вообще не смотреть. Там, вальяжно развалившись на скамье, сидел Илья. Он поднял руку, лениво приветствуя отца. Лицо профессора при виде сына не изменилось ни на йоту. Оно осталось таким же каменным и непроницаемым. — Присутствует, — констатировал отец, делая отметку в журнале, и тут же перевёл взгляд дальше. — Григорьева! Лекция началась. Первые полчаса профессор говорил о важности дисциплины и структуре курса, но затем перешёл к сути. Его речь была безупречной логической конструкцией. Он выстраивал аргументы так, что оспорить их казалось невозможным. Я поймала себя на том, что невольно слушаю, забыв про свою апатию. Это было похоже на шахматную партию, где каждый ход предопределён и идеален. После лекции толпа вынесла нас в коридор. Мы стояли у окна, пытаюсь переварить услы-

шанное.— Жёсткий дядька, — выдохнула Аня, поправляя волосы. — Но умный. У меня чуть мозг не расплавился.— А Илья? Вы видели? — прошептала Вероника. — Как будто ему вообще плевать. Сидит там, как король на именинах. Именно в этот момент он и появился. Илья вышел из аудитории одним из последних, засовывая телефон в карман джинсов. Он увидел нас и направился прямо к нам, ловко лавируя между студентами.— Ну что, жертвы гражданского права? — весело спросил он, останавливаясь напротив. — Как тебе мой старик?— Впечатляет, — честно ответила я, складывая руки на груди. — Хотя методы запугивания у него те ещё. Илья усмехнулся, но как-то невесело.— Это не запугивание. Это отбор. Отец считает, что право — это не для слабаков. И он прав. Юриспруденция сожрёт тебя заживо, если ты позволишь себе хоть каплю жалости. К себе или к клиенту. Его тон резко изменился. Из шутливового он стал серьёзным, почти холодным.— Кстати, о физике, — он посмотрел на меня в упор. — Кирилл сегодня утром извинился за ночной дебош. Сказал, что теорема о точке опоры требует более глубокого изучения на практике. Приглашаю вечером на повторный эксперимент. Смотреть со стороны безопаснее. Я выдержала его взгляд.— Спасибо, но я предпочитаю изучать право. Оно хотя бы подчиняется логике, а не законам хаоса. С этими словами я развернулась и пошла прочь по коридору, чувствуя спиной его взгляд. Визитка в моём кармане снова напомнила о себе, но теперь она казалась не спасательным кругом, а

скорее вызовом. Вызовом выйти из своего ледяного панциря и признать, что код этого города начинает меняться, вплетая в свой гул новые, непредсказуемые ноты. Пары закончились только к четырём часам дня. Юридический факультет выжал из нас все соки: лекции по теории государства и права казались бесконечными, а конспект распух от новых терминов. Мы плелись в общежитие уставшие, мечтая лишь о тишине и горизонтальном положении. Я первая зашла в нашу комнату, бросила сумку на пол рядом с кроватью и без сил упала лицом в подушку. Тишина комнаты окутала меня мягким коконом. На несколько секунд я позволила себе просто лежать, слушая гул крови в ушах. В этот момент телефон в кармане завибрировал. Я нехотя достала его — звонила мама. Я знала, что если не отвечу, она будет волноваться ещё больше, но отвечать совершенно не хотелось. — Да, мам, привет, — мой голос звучал глухо, приглушённый тканью подушки. — Машенька! Наконец-то! Господи, я уже весь телефон оборвала! Почему ты так долго не брала трубку? У тебя всё хорошо? Её голос был полон тревоги, которая тут же отозвалась привычным чувством вины у меня внутри. — Всё нормально. Телефон был на беззвучном, мы только пришли... — начала я стандартную отговорку. — Как общежитие? Ты устроилась? Кровать нормальная? Вас там кормят? Не холодно? — вопросы сыпались один за другим, как автоматная очередь. Она пыталась контролировать мою жизнь на расстоянии, словно боялась, что без её надзора мир рухнет. — Мам,

пожалуйста... — тихо сказала я, закрывая глаза. Комната поплыла перед глазами. — Не надо так. Со мной всё в порядке. Вероника и Аня рядом. Еда есть. В трубке повисла тяжёлая пауза. Затем мама заговорила снова, но тон изменился. Теперь в нём звучали слёзы.— Я просто волнуюсь, доченька. Ты там совсем одна... с этим горем. Я чувствую, что бросаю тебя. Это стало последней каплей. Горячий, колючий ком подкатил к горлу.— Ты меня не бросаешь, — прошептала я почти беззвучно. Слеза скатилась по щеке и упала на экран телефона. — Просто дай мне дышать. Дай мне... научиться жить заново. Она молчала. Слышалось лишь её прерывистое дыхание.— Хорошо, Маша, — наконец произнесла она надломленным голосом. — Я понимаю. Звони хотя бы раз в день. Пожалуйста.— Обещаю. Я нажала на отбой первой, не дожидаясь ответа. Экран погас, погружая комнату во мрак. Я швырнула телефон на тумбочку и перевернулась на спину, уставившись в потолок невидящим взглядом. Разговор выпил из меня последние силы. Хотелось просто исчезнуть. Из коридора донёсся смех и звон посуды — наша кухня явно была оккупирована. Заставив себя подняться, я вышла из комнаты. Картина, открывшаяся мне, была неожиданной: парни (Илья, Артём и неразговорчивый Кирилл) сидели за столом вместе с Вероникой и Аней. На столе стояла большая пицца и несколько бутылок газировки.— О, Машка! Садись, мы тут стратегические запасы провианта уничтожаем, — весело крикнул Илья, пододвигая ко мне кусок пиц-

цы. Мы просидели так около часа. Болтали ни о чём и обо всём сразу: обсуждали завтрашний семинар, жаловались на сложность учебников. Атмосфера была непринуждённой. В разгар обсуждения того, где выгоднее покупать кофе, мой телефон снова завибрировал. Но на этот раз звук был другим — пришло сообщение. Я открыла мессенджер. Номер был незнакомым. > *«Привет. Не хочешь прогуляться? Погода отличная.» * **Илья**». *Я перечитала сообщение дважды. Внутри шевельнулось странное чувство — смесь раздражения и любопытства. Какого чёрта? Я подняла глаза на девчонок. Они обе смотрели на меня с одинаковыми хитрыми улыбками. — Девочки... чей это номер? Аня хихикнула и кивнула головой в сторону Ильи. — Ну... он попросил. Сказал, что ты стесняешься дать сама. — Что?! — возмущение вспыхнуло мгновенно. — Вы дали ему мой номер?! Вероника примирительно подняла руки: — Он выглядел таким уверенным! И сказал, что это для дела. Для лучшей коммуникации между соседями! Я посмотрела на Илью. Тот перестал притворяться, что увлечён разговором с Артёмом, и смотрел прямо на меня, нагло ухмыляясь. Он знал, что я читаю его сообщение. Я заблокировала экран телефона и положила его на стол экраном вниз. — Коммуникация, значит... посмотрим, какая у нас будет коммуникация. Я демонстративно проигнорировала сообщение, оставив телефон лежать на кухонном столе. Внутри клокотала тихая злость — не столько на Илью с его наглой самоуверенностью, сколько на Аню и

Веронику за то, что так легко выдали мой номер.— Я в душ, — бросила я в пустоту, ни к кому конкретно не обращаясь, и быстро ретировалась в спасительную тишину нашей комнаты. Здесь воздух был неподвижен и пах только чистотой свежего белья. Это было моё убежище. Я подошла к своей кровати, достала из сумки махровое полотенце с синими китами — подарок от мамы ещё на выпускной — и чистую одежду. Сборы были механическим ритуалом: шампунь, гель для душа с запахом лаванды (единственное, что помогало немного расслабиться), тапочки. Сложив всё в пакет, я почувствовала странное облегчение. Горячая вода смывает не только дорожную пыль, но и этот тяжёлый день вместе с липким чувством от непрошеного внимания. Я вышла из комнаты, плотно прикрыв за собой дверь. Кухня встретила меня взрывом хохота. Илья что-то рассказывал, активно жестикулируя, а девчонки слушали его, открыв рты. Он поднял взгляд, заметив меня в проёме двери. Его ухмылка стала шире, он явно ждал моей реакции на смс прямо сейчас. Не говоря ни слова, я развернулась и пошла по коридору прочь от их компании. Пусть думает что хочет. Мне нужна была лишь горячая вода и десять минут полного одиночества. Душевая комната на нашем этаже оказалась просторной, отделанной старым, потрескавшимся кафелем. Здесь стоял устойчивый запах дешёвого мыла и сырости. Я выбрала самую дальнюю кабинку, включила воду на максимум и встала под обжигающие струи. Вода била по плечам, смывая напряжение из мышц.

Я закрыла глаза, запрокинула голову назад и позволила шуму воды заглушить все мысли. Код города, лекции, мамин голос, наглая улыбка Волкова-младшего — всё это осталось там, за тонкой стенкой кабинки. Сейчас существовали только я и этот очищающий жар. Я стояла так долго, пока кожа не начала краснеть, а мысли не превратились в белый шум. Выходя из душа, я чувствовала себя пустой и лёгкой. И впервые за весь день мне было почти всё равно. Я вышла из душевой, прижимая к себе полотенце. Мокрые волосы липли к спине, и единственным звуком в гулком коридоре был стук моих собственных шагов по холодному кафелю. Я завернула за угол, мысленно прокладывая кратчайший путь до спасительной двери нашего блока. И вдруг он возник прямо передо мной. Илья вышел из-за угла так резко и бесшумно, что я не успела среагировать. От неожиданности я вздрогнула всем телом и тихо вскрикнула, отступив на шаг назад и вжавшись спиной в стену. — Тш-ш-ш, — он поднял руки ладонями вверх, словно успокаивая дикое животное. В его глазах плясали озорные искры. — Извини, не хотел тебя пугать. Сердце колотилось где-то в горле. Я плотнее запахнула полотенце, чувствуя себя уязвимой и разозлённой одновременно. — Ты... ты меня напугал! Что ты вообще здесь делаешь? Это женский этаж! Он проигнорировал мой вопрос и сделал полшага вперёд, сокращая дистанцию. Его взгляд скользнул по моим мокрым волосам, но тут же вернулся к лицу. — Я ждал ответа, — спокойно сказал он, скрестив ру-

ки на груди. — Это невежливо — игнорировать сообщения. Особенно когда знаешь отправителя. Его тон был абсолютно будничным, будто мы обсуждали погоду, а не то, как он подкараулил меня в коридоре общежития. Эта невозмутимость взбесила меня ещё больше. — Невежливо? — прошипела я, выпрямляясь во весь рост, хотя это было бесполезно — он всё равно нависал надо мной. — А давать мой номер телефона без спроса — это вежливо? — Они сами предложили, — легко отмахнулся он. — Сказали, ты стесняешься. — Они предатели! И я тебе ничего не должна. Ни ответа, ни прогулки. Оставь меня в покое. Я попыталась проскользнуть мимо него, но он ловко преградил мне дорогу, уперев руку в стену рядом с моей головой. Он был слишком близко. Я могла разглядеть крошечные капельки воды на его коже после душа и почувствовать запах его геля — тот самый, цитрусовый. — Послушай, Маша, — его голос стал тише, мягче. Насмешка исчезла. — Я понимаю, у тебя сложный период. Но прятаться от всего мира в своей раковине — это не выход. Иногда нужно просто выйти и сделать что-то нормальное. Например, съесть мороженое или пройтись по вечерней Москве. Без всяких обязательств. Я смотрела на него снизу вверх, тяжело дыша. Часть меня хотела послать его куда подальше, но другая часть, та самая уставшая и одинокая часть, слушала его слова. Он говорил правильные вещи. Слишком правильные. — Уйди с дороги, Волков, — устало сказала я, глядя ему прямо в глаза. — Дай мне пройти. Он несколько

секунд изучал моё лицо, словно пытаюсь найти там ответ на какой-то свой вопрос. Затем медленно убрал руку и сделал шаг в сторону, освобождая проход.— Ладно, — кивнул он. — На сегодня твоя крепость неприступна. Но код города меняется каждый день. Завтра будет новый день. Не оборачиваясь, я быстро пошла к нашей двери, достала ключ трясущимися руками и юркнула внутрь, захлопнув её за собой. Прислонившись к ней спиной, я закрыла глаза. Сердце всё ещё бешено стучало. Код города действительно изменился. И Илья Волков только что вписал в него новую, тревожную строчку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.